

ПРОБЛЕМА УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ ВНЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В.М. Степашин

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия***Информация о статье**

Дата поступления –

20 ноября 2016 г.

Дата принятия в печать –

20 декабря 2016 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2017 г.

В уголовном законодательстве формируется новый институт репрессивных мер, применяемых вне уголовной ответственности, в том числе в качестве условия освобождения от уголовной ответственности. Этот процесс свидетельствует о глубоком кризисе современного уголовного права. Предписания уголовного закона о денежном возмещении и судебном штрафе следует исключить.

Ключевые слова

Экономия репрессии,
освобождение от уголовной
ответственности, денежное
возмещение, судебный штраф

PROBLEM OF CRIMINAL REPRESSION, APPLIED OUTSIDE OF CRIMINAL LIABILITY

Vitaly M. Stepashin

*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia***Article info**

Received – 2016 November 20

Accepted – 2016 December 20

Available online – 2017 March 20

Keywords

Saving repression, exemption from
criminal liability, monetary
compensation, judicial fine

A new institute of repressive measures applied outside the criminal liability in criminal law (including as a condition for exemption from criminal liability) is forming now in Russian legislation. The author concludes that the provisions of the criminal law on monetary compensation and a court fine should be deleted because of the following reasons. 1) By their nature, and monetary compensation and a court fine, not being a formal punishment (and, therefore, a form of realization of criminal responsibility) is a monetary penalty, i.e., penalty-punishment. Moreover, the rules of court fine destination identical rules of criminal sentencing. 2) Quantitatively court fine may exceed the minimum limits of criminal punishment in the form of fines. The dimensions of monetary compensation in the order of hours. Pt. 2, Art. 76.1 of the Criminal Code and at all close to the maximum values of fine-punishment. 3) Exemption from criminal liability requires states to refrain from prosecuting the person alleged to have committed a crime, which means that the non-use of criminal repression. Regulatory standards analyzed, on the other hand, require mandatory use of repression, ie, virtually no exemption from criminal liability does not occur at all. 4) The use of a quasi-penalty in the form of monetary compensation and court fines are not an exemption from criminal responsibility, but on the contrary, the use of criminal repression (of responsibility), and in a simplified manner. 5) Contrary to the requirements of the Constitution and the Criminal Code of criminal repression is applied to persons whose guilt has not been established in the commission of a crime. Thus, in criminal law introduced a presumption of guilt. 6) Customization repression (in fact – of criminal responsibility) in the application of the judicial penalty is substantially limited, and the application of monetary compensation is excluded at all, contrary to the requirement that the rough justice (Pt. 1, Art. 6 of the Criminal Code). 7) Rules of court fine actually allow re-use of penalties and, moreover, consistent application of the two main types of punishment, although no one can be held criminally responsible twice for the same offense (Pt. 2, Art. 6 of the Criminal Code).

Непонимание и тревогу вызывает формирование в УК РФ комплекса репрессивных мер, применяемых вне уголовной ответственности (в том числе в

качестве условия освобождения от уголовной ответственности):

– денежное возмещение в размере, превышающем причиненный преступлением ущерб, либо

доход, полученный в результате совершения преступления (ч. 2 ст. 76.1);

– судебный штраф (ст. 76.2);

– взыскание штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего осуждённого (ч. 2 ст. 88);

– отдельные принудительные меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 90);

– конфискация имущества, переданного третьим лицам или организации (ч. 3 ст. 104.1).

Тем самым уже фактически сформирована подсистема иных репрессивных (карательных) мер уголовно-правового характера.

Перечисленные меры весьма разнородны. По-разному можно определить их социальную обусловленность (в ряде случаев, скорее, – необусловленность), что может и должно выступить темой самостоятельного исследования. Объединяет их сущность: *репрессия вне рамок уголовной ответственности.*

Пожалуй, лишь принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые на основании ч. 1 ст. 90 УК РФ, могут быть сохранены в системе мер уголовно-правового воздействия, но при соблюдении, по крайней мере, двух условий.

Во-первых, их содержание должно быть формализовано и существенно отличаться от содержания «сопредельных» видов наказания.

Устоявшееся мнение о том, что в принудительных мерах воспитательного воздействия отсутствует кара [1, с. 119–121], безосновательно. Так, обязанность загладить причиненный вред (ч. 3 ст. 91 УК РФ) возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков. Однако закон не определяет даже примерных пределов возмещения вреда: они могут оказаться не просто выше, а существенно выше максимального размера штрафа для несовершеннолетнего или суммарного размера удержаний из заработка осуждённого к исправительным работам. Наличие «трудовых навыков» не исключает привлечения несовершеннолетнего к неквалифицированному труду, общая, как и ежедневная продолжительность которого может заметно превышать ограничения, установленные при привлечении несовершеннолетнего к обязательным работам.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 91 УК РФ) как уголовно-правовая мера может по своему содержанию совпасть как с наказанием в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, так и с наказанием в виде ограничения свободы (ст. 53 УК РФ). При этом по своему содер-

жанию ограничение досуга может предполагать более строгие ограничения прав, чем уголовное наказание. Тем более перечень ограничений досуга, в отличие от компонентов наказания в виде ограничения свободы, не является исчерпывающим.

Во-вторых, и это главное, репрессивные по своей сути меры должны применяться *исключительно как меры уголовной ответственности* (в качестве альтернативы уголовному наказанию, условному осуждению и отсрочке отбывания наказания).

Конфискация имущества, переданного третьим лицам или организации, согласно ч. 3 ст. 104.1 УК РФ. Применение данной меры требует безусловной корректировки законодательства, поскольку законодатель указывает, что конфискации подлежит имущество, переданное осужденным другому лицу (организации), если лицо, принявшее имущество, знало или *должно было знать*, что оно получено в результате преступных действий.

Как замечает К.Н. Карпов, ч. 3 ст. 104.1 УК РФ «допускает применение меры уголовно-правового характера в отношении лица, не совершавшего преступления и даже не причастного к его совершению» [2, с. 110–111]. Сама формулировка недостаточно конкретна, предоставляет суду возможность изъятия имущества при неосторожной форме вины приобретателя, а также у добросовестного приобретателя [3, с. 146]. Тем самым, по справедливому замечанию А.И. Рарога, законом допускается объективное вменение [4, с. 59]. В. Егоров отмечает, что на физических лиц не возложена обязанность выяснения источника происхождения получаемого ими имущества (п. 3 ст. 10 ГК РФ), а потому обоснованно считает справедливым запретить конфискацию имущества у лиц, добросовестно заблуждавшихся и получивших его на возмездной основе [5].

Более взвешенный подход предложен А.А. Пропостиным. По его мнению, следует предусмотреть возможность применения конфискации в отношении третьих лиц, которым имущество было передано на *безвозмездной* основе, но при условии, что сам осужденный не сможет исполнить эту меру. Когда имущество, полученное в результате преступления, было передано «добросовестному» приобретателю на возмездной основе, приоритет интересов следует установить за третьим лицом [6, с. 7]. Схожую позицию занимает Н.А. Лопашенко: «Одно дело, когда преступное имущество было передано безвозмездно третьим лицам, например, подарено. Здесь конфискация возможна. Но другое дело, когда третье лицо купило преступно приобретенное имущество, не осознавая преступного характера его

происхождения. В этом случае права добросовестного приобретателя должны быть защищены» [7, с. 140–141].

Взыскание штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего осуждённого согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ. Данное положение уголовного закона нарушает принципы вины, личной ответственности, справедливости и индивидуализации уголовной ответственности и наказания, создавая возможность «выкупа» детей богатыми родителями [8, с. 30]. С таким же успехом, – замечает Ю.А. Кашуба, – законодатель мог бы прописать в ст. 88 УК РФ, что обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы могут отбывать родители несовершеннолетнего осуждённого с их согласия [9, с. 71].

Н.В. Генрих признаёт, что в этих случаях (ч. 2 ст. 88, ч. 3 ст. 104.1 УК РФ) произошло внедрение в уголовно-правовую материю таких цивилистических институтов, как перемена лиц в обязательстве в форме перевода долга и субсидиарная ответственность, отражающих одно общее – множественность лиц в обязательстве. Однако, подобный «перевод долга» в уголовно-правовом отношении недопустим. К сожалению, далее Н.В. Генрих противоречит сама себе, предположив, что концепция субсидиарного участника может стать теоретической основой для решения вопросов конфискации имущества, компенсации причиненного преступлением вреда, применения мер воздействия в отношении юридических лиц и родителей несовершеннолетних преступников. Учёная неожиданно оправдывает применение к ним мер государственного принуждения в рамках уголовно-правовых отношений соображениями справедливости, предупреждения преступлений и усилением компенсаторных начал уголовного права [10, т. I, с. 230–231, 233].

Очевидно, что критикуемое положение ч. 2 ст. 88 УК РФ о возможности взыскания с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего штрафа должно быть исключено из уголовного закона.

Денежное возмещение в размере, превышающем причиненный преступлением ущерб, либо доход, полученный в результате совершения преступления, согласно ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Особое место в системе репрессивных мер, применяемых вне уголовной ответственности, занимают *денежное возмещение* (ч. 2 ст. 76.1 УК РФ) и *судебный штраф*. Ещё в начале прошлого века М.Ф. Владимирский-Буданов заметил, что «в эпоху мести целью наказания является возмездие, т. е. воздаяние злом за зло, что впоследствии усвоено и государством, а в эпоху денеж-

ных выкупов к этой прежней цели присоединяется другая, уже чисто государственная – именно финансовой выгоды» [11, с. 326]. М.Б. Кострова прямо признаёт: к настоящему времени у российского уголовного права появилась новая функция – *фискальная* [12, с. 45]. Появление в системе мер уголовно-правового воздействия денежного возмещения и судебного штрафа с избытком подтверждают этот тезис.

Примечательно, что правовая природа «денежного возмещения» в законе не определена. Его репрессивная составляющая несомненна: она сопоставима с максимальными значениями штрафа-наказания. Не случайно другие исследователи отмечают непосильность уплаты в федеральный бюджет пятикратных сумм дохода либо ущерба для многих лиц, совершивших перечисленные преступления [13, с. 206]. «Это – не освобождение от уголовной ответственности, – солидаризируется с таким мнением Н.А. Лопашенко, – это закабаление преступника под прикрытием освобождения от уголовной ответственности» [10, т. III, с. 130–131]. В июле 2016 г. размер возмещения существенно снижен, однако остаётся значительным. Впрочем, нужно отметить, что и норма рассчитана на её применение не к среднестатистическому жителю России со среднестатистическим доходом. Потому и опасность «закабаления» представляется, мягко говоря, преувеличенной. Но главный вопрос в другом. И его формулирует сама Н.А. Лопашенко: «Только при чем тут вообще освобождение от уголовной ответственности?» [10, т. III, с. 132]. Освобождение от уголовной ответственности означает выраженное в акте компетентного государственного органа *решение освободить* лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, *от обязанности* подвергнуться судебному осуждению и *претерпеть меры государственно-принудительного воздействия уголовно-правового характера*. В данном же случае к лицу применяется не просто принудительная мера, а мера, по своему содержанию сопоставимая с весьма строгим наказанием.

Аналогичная мера, пусть и под другим названием – «судебный штраф», «органично» дополнила систему карательных мер, применяемых вне уголовной ответственности.

Судебный штраф согласно ст. 76.2, гл. 15.2 УК РФ. Сам законопроект о введении судебного штрафа подвергся резкой и справедливой критике [14]. Как верно заметила Л.В. Иногамова-Хегай, идея использовать меру уголовно-правового воздействия с одинаковым наименованием и содержанием (например, штраф) в качестве двух совершенно разных мер уголовно-правового характера «десистематизи-

рует» законодательство и внесет сложности в правоприменение. Не случайно, по её мнению, лучшим решением было бы оставить законопроектные предложения на уровне законопроекта [15, с. 146].

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹ перечень иных мер уголовно-правового характера дополнен судебным штрафом (гл. 15.2 УК РФ). Судебный штраф, будучи денежным взысканием, хоть и выступает в качестве репрессивной меры, не является уголовным наказанием, поэтому его применение не влечёт судимости. Однако по содержанию найти отличия между судебным штрафом и штрафом-наказанием невозможно: их нет.

Максимальный размер судебного штрафа зависит от того, предусмотрен ли в санкции соответствующей статьи Особенной части штраф в качестве основного вида наказания. Закон не запрещает назначение судебного штрафа несовершеннолетним. При этом судебный штраф должен быть уплачен только самим несовершеннолетним, «освобождённым» от уголовной ответственности.

Неуплата судебного штрафа в установленный судом срок влечёт отмену этой меры уголовно-правового характера, а лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ на общих основаниях. Н.Е. Крылова, еще анализируя законопроект, отметила, что при этом не решён (и даже не поставлен!) вопрос о зачёте фактически отбытых мер в срок будущего возможного наказания. Сверх того (и это представляется наиболее важным), лицо будет отбывать *по существу уголовное наказание* под видом уголовно-правовых мер, а после их отмены в случае злостного уклонения подвергнется *новому наказанию*. Очевидно, что такой порядок входит в прямое противоречие с запретом «двойного наказания» – принципом *non bis in idem*, воспринятым в ч. 2 ст. 6 УК РФ (никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление) [14, с. 101]. При этом неуплата судебного штрафа не может быть признанаотягчающим наказанием обстоятельством, но тем не менее может быть учтена в качестве данных, характеризующих личность, и тем самым повлиять на выбор вида и срока (размера) наказания. Предшествующее назначение судебного штрафа (с последовавшей его отменой ввиду неуплаты) само по себе не является препятствием для назначения уголовного наказания в виде штрафа.

Трудно назвать хотя бы один принцип уголовного права, грубо не нарушенный «новациями» (ч. 2 ст. 76.1, ст. 76.2, гл. 15.2 УК РФ). Сама идея применения уголовной репрессии (кары, возмездия, а не мер предупреждения или безопасности) вне рамок уголовной ответственности видится глубоко ущербной, несправедливой и неправовой. Как верно заметил Ю.Е. Пудовочкин, сущность уголовного наказания, отличающая его от иных мер уголовно-правового характера, состоит, во-первых, в том, что только оно может ограничивать специфический круг прав и свобод человека, недоступный для воздействия со стороны иных мер, а во-вторых, в том, что его основным бенефициаром выступает само государство. Максимально репрессивным из всех существующих в арсенале государства средств правового воздействия может быть только уголовное наказание. Более того, учёный справедливо обращает внимание на «катастрофическую несоотнесенность санкций в административно-деликтном и уголовном законодательстве», которая усугубляется «вынесением за скобки» уголовного закона целого ряда иных правоограничительных мер, искусно маскируемых под меры профилактики и предупреждения преступности (запрет на профессию, административный надзор, лишение родительских прав и пр.) [16, с. 169, 171].

1. По своему содержанию и денежное возмещение, и судебный штраф, *не являясь лишь формально наказанием* (и, следовательно, формой реализации уголовной ответственности), представляют собой денежное взыскание, т. е. штраф-наказание. Более того, правила назначения судебного штрафа идентичны правилам назначения уголовного наказания, если не касаться вопросов уклонения от уплаты денежного взыскания, только одно: применение этих мер не влечёт судимости.

2. Количественно судебный штраф может превосходить минимальные пределы уголовного наказания в виде штрафа (в том числе в случае признания вины лица в совершении соответствующего преступления и назначения ему штрафа-наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК). Размеры денежного возмещения в порядке ч. 2 ст. 76.1 УК РФ и вовсе близки к максимальным значениям штрафа-наказания.

3. Освобождение от уголовной ответственности предполагает *отказ государства*, выраженный в

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

акте компетентного государственного органа, *от уголовного преследования лица, предположительно совершившего преступление*, что означает отказ от применения уголовной репрессии. Предписания анализируемых норм, напротив, предполагают *обязательное применение репрессии*, т. е. *фактически никакого освобождения от уголовной ответственности не происходит вовсе*.

4. Применение квазиштрафа в виде денежного возмещения и судебного штрафа представляет собой не освобождение от уголовной ответственности, а напротив, *применение уголовной репрессии (ответственности) в упрощённом порядке*.

5. Н.Ф. Кузнецова отмечала: «Без вины осуществляется компенсация вреда, причиненного жизни, здоровью, имуществу гражданина при использовании источников повышенной опасности, в результате незаконных осуждения, привлечения к уголовной ответственности, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписку о невыезде, наложение административного взыскания в виде ареста или исправительных работ и т. д.» [17, с. 220]. Однако согласно принципу вины (ч. 1 ст. 5 УК РФ) лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Вопреки требованиям Конституции РФ и УК РФ уголовная репрессия при этом применяется к лицам, *чья вина в совершении преступления не установлена*. Тем самым в уголовный закон бесцеремонно введена презумпция виновности.

6. Индивидуализация репрессии (фактически – уголовной ответственности) при применении судебного штрафа существенно ограничена, а при применении денежного возмещения исключена вовсе, что грубо противоречит требованию справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

7. Правила применения судебного штрафа фактически допускают *повторное применение наказания* и, более того, последовательное применение двух основных видов наказания, хотя никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Видимо, если только «первую ответственность» не признать ответственностью.

Не случайна оценка этой новеллы, предусматривающей фактическое возложение уголовной ответственности на лиц, чья вина не установлена вступившим в законную силу приговором суда, как противоречащей Конституции РФ и международным правовым нормам, гарантирующим права личности,

и разрушающей сами основы и принципы российского уголовного права [14, с. 106].

В.Д. Филимонов справедливо утверждает, что *меры карательной деятельности – это социальное содержание уголовной ответственности, а ограничения прав и свобод*, соответствующие виду и размеру наказания или иной меры уголовно-правового характера, назначенные лицу, совершившему преступление, – *это юридическая форма уголовной ответственности* [10, т. III, с. 545]. Как верно отмечает М.В. Феоктистов, «превентивное же применение мер уголовной репрессии лишь в силу какого-то опасного состояния лица, обусловленного его предыдущей преступной деятельностью... [может] нанести серьезный ущерб состоянию законности, подорвать авторитет правосудия, привести к произволу, при котором решение вопроса об освобождении осужденного... будет целиком зависеть от волеизъявления чиновника. Такое решение проблемы будет также противоречить российской Конституции и принципам правового, демократического государства» [10, т. VIII, кн. I, с. 21].

Возможный вариант решения исследуемой проблемы предлагался в УК РСФСР 1960 г., ст. 50¹ которого предусматривала освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. Но даже это положение, отвергнутое российским законодателем, предусматривало – при привлечении к административной ответственности – установление вины в совершённом деянии, в определённой мере соблюдались и требования справедливости по отношению к применяемым административно-правовым мерам.

Поскольку проблема реализации экономии репрессии при освобождении от уголовной ответственности является самостоятельной и выходит за рамки предмета настоящего исследования, ограничимся лишь констатацией возможных направлений совершенствования этого института в контексте экономии репрессии. Таковыми могут быть:

1. Увеличение спектра условий освобождения от уголовной ответственности (условиями освобождения мы полагаем совокупность формальных юридических требований, предъявляемых к поведению лица, предположительно совершившего преступление, а основанием – утрату или существенное уменьшение общественной опасности лица, предположительно виновного, или содеянного им), в том числе путем конструирования специальных видов освобождения от уголовной ответственности за отдельные преступления (виды преступлений). В частности, мы последовательно выступаем за установление в за-

коне обязательного освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших хищения чужого имущества, относящиеся к категориям небольшой и средней тяжести, в случае полного возмещения причинённого преступлением ущерба (не исключающих возможности иных компенсационных выплат потерпевшим) и примирения с потерпевшими.

2. Минимизация требований (условий) освобождения от уголовной ответственности.

3. Императивность освобождения от уголовной ответственности.

4. Возможность освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии.

5. Минимизация требований к поведению лица, освобождаемого от уголовной ответственности условно.

Активно же формирующийся институт уголовно-правовых репрессивных мер, применяемых вне уголовной ответственности, свидетельствует о глубоком кризисе современного уголовного права. Этот нарастающий процесс требует решительного противодействия со стороны научного сообщества. Предписания уголовного закона о денежном возмещении и судебном штрафе надлежит исключить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фисенко Д.Ю. Специальные принципы уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук / Д.Ю. Фисенко. – Омск, 2016. – 199 с.
2. Карпов К.Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / К.Н. Карпов. – Омск, 2011. – 226 с.
3. Благов Е.В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера / Е.В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 240 с.
4. Рарог А.И. Институт конфискации имущества нуждается в совершенствовании / А.И. Рарог // Институт конфискации имущества в законодательстве государств-членов Совета Европы и в российском законодательстве: материалы междунар. семинара. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 53–59.
5. Егоров В. Сложности применения норм о конфискации имущества / В. Егоров // Уголовное право. – 2009. – № 1. – С. 21–22.
6. Пропостин А.А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Пропостин. – Томск, 2010. – 21 с.
7. Лопашенко Н.А. Конфискация имущества / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 160 с.
8. Жевлаков Э. Обновленное уголовное законодательство и проблемы его применения / Э. Жевлаков // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 29–31.
9. Кашуба Ю.А. Коллизии законодательства в сфере применения уголовных наказаний / Ю.А. Кашуба // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3. – С. 69–75.
10. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016.
11. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Киев, 1915. – 715 с.
12. Кострова М.Б. «Фискальная» функция российского уголовного права как новое явление эпохи финансово-экономических перемен? / М.Б. Кострова // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: материалы IX Российского Конгресса уголовного права, 29–30 мая 2014 г. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 41–45.
13. Орешкина Т.Ю. Система примечаний к статьям Особенной части УК РФ нуждается в совершенствовании / Т.Ю. Орешкина // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского Конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). – М.: Проспект, 2012. – С. 200–207.
14. Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. / Н.Е. Крылова // Закон. – 2015. – № 8. – С. 90–107.
15. Иногамова-Хегай Л.В. Наказание физического и юридического лица как форма реализации уголовной ответственности и его назначение / Л.В. Иногамова-Хегай // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 5. – С. 141–149.
16. Пудовочкин Ю.Е. Наказуемость деяния как признак преступления / Ю.Е. Пудовочкин // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 5. – С. 166–172.
17. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова; под науч. ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Городец, 2007. – 336 с.

REFERENCES

1. Fisenko D.Yu. *Special principles of criminal law*, Cand. Diss. Omsk, 2016. 199 p. (In Russ.).
2. Karpov K.N. *Other measures under criminal law as a means of counteracting the commission of crimes*, Cand. Diss. Omsk, 2011. 226 p. (In Russ.).
3. Blagov E.V. *Punishment and other measures of criminal law*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 240 p. (In Russ.).
4. Rarog A.I. Institute of confiscation of property needs to be improved, in: *Institut konfiskatsii imushchestva v zakonodatelstve gosudarstv-chlenov Soveta Evropy i v rossiiskom zakonodatelstve*, Materials of International seminar. Barnaul, Altai University Publ., 2008, pp. 53–59. (In Russ.).
5. Egorov V. Difficulties application of the rules of forfeiture. *Ugolovnoe pravo*, 2009, no. 1, pp. 21–22. (In Russ.).
6. Propostin A.A. *Confiscation of property as a measure to combat crime: Past, Present, Future*, Cand. Diss. Thesis. Tomsk, 2010. 21 p. (In Russ.).
7. Lopashenko N.A. *Confiscation of property*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 160 p. (In Russ.).
8. Zhevlakov E. Renewed criminal legislation and its application problems. *Ugolovnoe pravo*, 2004, no. 3, pp. 29–31. (In Russ.).
9. Kashuba Yu.A. Collisions in legislation regulating the use of criminal sanctions. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*. 2013, no. 3, pp. 69–75. (In Russ.).
10. Lopashenko N.A. (ed.). *Criminal law. A common part. A crime. Academic course*, in 10 volumes. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. (In Russ.).
11. Vladimirovskiy-Budanov M.F. *Review the history of Russian law*. Kyiv, 1915. 715 p. (In Russ.).
12. Kostrova M.B. "Fiscal" feature of Russian criminal law as a new phenomenon of the era of financial and economic change?, in: *Ugolovnoe pravo v epokhu finansovo-ekonomicheskikh peremenn*, Materials of IX Congress of the Russian Criminal Law, May 29–30, 2014. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014, pp. 41–45. (In Russ.).
13. Oreshkina T.Yu. The system notes to the articles of the Criminal Code of the Russian Federation needs to be improved, in: *Sovremennaya ugolovnaya politika: poisk optimalnoi modeli*, Materials of VII Congress of the Russian Criminal Law, May 31 – June 1, 2012. Moscow, Prospekt Publ., 2012, pp. 200–207. (In Russ.).
14. Krylova N.E. Is humanisation of the criminal law underway? The analysis of the draft laws approved at the plenary session of the Supreme Court of the Russian Federation on July 31, 2015. *Zakon*, 2015, no. 8, pp. 90–107. (In Russ.).
15. Inogamova-Khegai L.V. The punishment of physical and legal persons as a form of realization of criminal liability and its purpose. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*, 2016, no. 5, pp. 141–149. (In Russ.).
16. Pudovochkin Yu.E. Punishable acts as a sign of a crime. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*, 2016, no. 5, pp. 166–172. (In Russ.).
17. Kuznetsova N.F. *Problems of qualification of crimes*. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 336 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степашин Виталий Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: stivomsk@rambler.ru
SPIN-код: 9569-9315

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepashin Vitaly M. – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: stivomsk@rambler.ru
SPIN-code: 9569-9315

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степашин В.М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности / В.М. Степашин // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 122–128. – DOI : 10.24147/2542-1514.2017.1(1).122-128.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepashin V.M. Problem of criminal repression, applied outside of criminal liability. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 122–128. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).122-128. (In Russ.).